

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПО СИНТАКСИСУ И ТЕМЫ ДЛЯ СЕМИНАРСКИХ СОЧИНЕНИЙ, РЕКОМЕНДОВАННЫЕ АКАД. А. А. ШАХМАТОВЫМ¹

Гениальный исследователь, языковед и литературовед, историк и филолог А. А. Шахматов блестящую и славную деятельность в Академии наук соединял с занятиями прирожденного педагога.

Преподавательская деятельность А. А. Шахматова началась в Московском университете, но продолжалась там недолго: всего с марта по ноябрь 1890 г. В 1908 г. А. А. Шахматов был приглашен историко-филологическим факультетом С.-Петербургского университета читать лекции по русскому языку. С 1908 по 1920 г. А. А. Шахматов читал курсы истории русского языка, старославянского языка, исторической диалектологии, белорусского языка, сравнительной грамматики славянских языков, современного русского литературного языка.

О состоянии отечественного языкознания в начале века, очень высоком, но объединяющем синхронный и диахронический аспекты изучения и преподавания языка, свидетельствуют рекомендованные в Петроградском университете А. А. Шахматовым пособия и предлагаемые им темы для рефератов в семинариях.

Во вступительных лекциях по синтаксису, писанных в июне — августе 1916 г., А. А. Шахматов рекомендует студентам пособия, кратко характеризую каждое из них. Ниже приводится полностью одна из таких лекций (Архив АН СССР, фонд 134, опись 1, № 83/8, л. 300—302).

*

Скажу несколько слов о тех пособиях, которые могли бы помочь в усвоении оснований русского синтаксиса и подвинуть некоторых из вас на дальнейшую его разработку.

К числу старших, но до сих пор не устаревших пособий относится вторая часть «Исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева (первое издание под заглавием «Опыт исторической грамматики русского языка. [ч. 1. Этимология, ч. 2. Синтаксис]»² вышло в 1858 г. в Москве); труд этот содержит хороший материал, извлеченный из памятников и из современных писателей; кроме учения о значении и употреблении грамматических форм, синтаксис Ф. И. Буслаева включает в себе обширные отделы, посвященные составу предложений, определению членов предложений, а также анализу сцепления предложений.

Между 1868 и 1874 гг. выходил вступками сравнительный синтаксис славянских языков Франца Миклошича [Fr. Miklosich] («Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen», Wien, 1868—1874) как IV том его сравнительной грамматики. Здесь мы не найдем анализа предложений. Ф. Миклошич задачу синтаксиса ограничил изучением грамматических классов слов и грамматических форм, а также употреблением последних; тем не менее богатейший материал, собранный в обширном труде Ф. Миклошича

¹ Публикация осуществлена Э. И. Коротавой; ей принадлежит предисловие комментарий и заключение.

² При подготовке рукописи к печати были добавлены некоторые библиографические данные (они заключены в квадратные скобки). — *Ред.*

как из других славянских языков, так и из русского, может быть использован и для тех отделов науки о языке, которые составляют самую суть синтаксиса; так, падежные формы определяются между прочим и как члены предложения; вслед за именительным падежом как обычным выражением подлежащего предложения Ф. Миклошич рассматривает в особой главе безподлежащие предложения (*subjektlose Sätze*); определяя значение и употребление творительного падежа, Ф. Миклошич подробно рассматривает употребление этого падежа при сказуемом и т. д.

В самый год окончания труда Ф. Миклошича, т. е. в 1874 г., появилось у нас в России исследование А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике» [ч. 1, Воронеж]; этим исследованием по справедливости гордится русская филологическая наука. Отличная подготовка и способность к глубокому анализу привели А. А. Потебню к созданию самостоятельной системы в изложении синтаксиса; она противоположна системе Ф. Миклошича и полагает в основание исследования не изучение значений и употреблений грамматических категорий, а изучение строения и состава предложения. Дальнейшие успехи синтаксических изучений в России всецело обязаны А. А. Потебне; лучшие исследователи пошли по его стопам. Труд А. А. Потебни состоит из двух частей: первая, озаглавленная «Введение», представляется и теперь ценнейшим и, быть может, важнейшим пособием, в особенности в X его главе, посвященной изучению членов предложения и отношения к ним частей речи; вторая часть, озаглавленная «Составные члены предложения и их замены в русском языке» [Харьков, 1874], дает углубленное в историю исследование из русского синтаксиса, распадаясь на следующие отделы: «Составное сказуемое и приложение», «Вторые косвенные падежи», «Неопределенное наклонение» и «Творительный падеж». Обе части в 1888 г. [Харьков] вышли во втором исправленном и дополненном издании. В 1899 г. [Харьков] появилась в посмертном издании третья часть «Из записок по русской грамматике»; содержание этого труда не покрывается вторым его заглавием «Об исследовании значения и заменах существительного», ибо оно включает не только исследование о значении грамматических классов существительного, но также ряд отделов, относящихся к анализу предложения: «Несогласованность приложения в падеже», «Союз между словами, соединенными атрибутивно», «Переход предложений в предложении», «Место придаточных предложений с относительным словом по отношению к главным», «Предикативность существительного», «Устранение подлежащего». Полезным пособием при изучении синтаксических трудов А. А. Потебни является их конспект, который под заглавием «Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни» составлен и издан И. Белоруссовым (Орел, 1901), допустившим, впрочем, местами в свое изложение неточности и недосмотры.

К 70-м годам, когда появились первые синтаксические исследования А. А. Потебни, относится весьма содержательная и построенная на широких основаниях докторская диссертация Ф. Е. Корпа «Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса» (М., 1877). В 1881 г. [Воронеж] вышел другой русский труд, посвященный сравнительному синтаксису: это «Синтаксические исследования» А. В. Попова, ученика А. А. Потебни; рядом с приведенным общим заглавием имеется другое, частное, ближе определяющее содержание 1 выпуска исследования, оставшегося, впрочем, и единственным вследствие ранней смерти автора: «Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском наречиях» (отдельный оттиск из «Филологических записок» вышел в Воронеже, причем на заглавном листе отмечен редактором день смерти автора: 26 сентяб-

ря 1880 г. — и указано, что исследование, названное им первым, является и последним). Высказанные в этой книге взгляды на сущность «одночленных» (безглагольных) предложений встретили, как увидим, критику в лице самого А. А. Потебни (во втором издании «Из записок по русской грамматике»), а все вообще сочинение подверглось суровой, но справедливой оценке Ф. Ф. Fortunatova, тогда еще доцента Московского университета (см. «Отчет о 26-м присуждении наград гр. Уварова» [Зап. имп. Акад. наук, XLIX, 1884]). Ф. Ф. Fortunatov упрекнул А. В. Попова в методологической ошибке, состоявшей в том, что последний делал отрывными положениями своего исторического исследования некоторые гадательные предположения об образовании и первоначальном значении падежей в эпоху доисторическую, предшествующую распадению индоевропейского праязыка. Разбор Fortunatova интересен между прочим потому, что в нем он впервые коснулся печатно синтаксических вопросов.

Синтаксис издавна интересовал Ф. Ф. Fortunatova, но печатных трудов в этой области он оставил немного; синтаксическим вопросам уделялось им значительное внимание в общих трудах по языковедению, можно надеяться, что литографированные издания этих курсов появятся вскоре в печати: тогда наступит возможность оценить, что нового внес в изучение синтаксиса Ф. Ф. Fortunatov. Некоторые свои взгляды на предложение и на члены предложения Ф. Ф. Fortunatov изложил в лекции «О преподавании грамматики русского языка в средней школе», напечатанной в «Трудах 1-го съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», появившихся в 1904 г. [СПб.] (перепечатана в РФВ, LIII, 1905). Мысли Ф. Ф. Fortunatova нашли себе изложение и в трудах некоторых из его учеников, например в VIII главе «Введения в языковедение» В. Поржезинского (4-е изд., М., 1916). Много ценного дали исследования Ф. Ф. Fortunatova для определения значений и употребления грамматических, а именно глагольных категорий в славянских и балтийских языках; в числе их назову статью Ф. Ф. Fortunatova «О залогах русского глагола» (ИОРЯС за 1899 год), а в особенности его разбор двух диссертаций Г. К. Ульянова «Основы настоящего времени в старославянском и литовском языках» и «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке» (разбор Ф. Ф. Fortunatova был напечатан в 64 т. Сборника ОРЯС). Оба труда Г. К. Ульянова представляются ценными приобретениями для русской науки, как и в свое время весьма известный труд Н. П. Некрасова «О видах русского глагола» ([СПб.], 1865). Смерть помешала Ф. Ф. Fortunatovu обнародовать свои мысли о безличных предложениях, которым он посвящал последние свои трудовые часы.

В 1893 г. как часть «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» появилось начало труда Б. Г. Дельбрюка [B. Delbrück], известного исследователя древнеиндийского и греческого синтаксиса, под заглавием «Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen» (продолжение его появилось в 1897 и 1900 гг.). Для исследователя русского синтаксиса представляет интерес не только общая постановка вопросов в названном труде выдающегося лингвиста, но также и предлагаемое им освещение славянских, в частности русских явлений. В первых двух частях Б. Дельбрюк излагает учение о значениях и употреблении грамматических форм: сначала об имени существительном, прилагательном, местоимениях, числительных, наречиях и предлогах, затем о глаголе и частицах; в третьей части дается учение о предложении.

К 1899 г. относится содержательное и подводящее итог некоторым предшествующим работам других ученых исследование И. В. Ягича [V. Jagić] под заглавием «Beiträge zur slavischen Syntax» (Wien, 1899); в своих основных взглядах на задачи синтаксиса И. В. Ягич, как он об

этом сам заявляет, сходится с А. А. Потебней и расходится с Ф. Миклошичем, оставившим без внимания учение о предложении, так и с Б. Дельбрюком, отступившим в только что названном его труде от того изложения синтаксических явлений, которого он держался в синтаксисе древнеиндийского языка («Altindische Syntax», Halle, 1888), где на первом месте стояло учение о предложении. И. В. Ягич в своем «Beiträge» рассматривает сначала простейшие виды предложений, переходит затем к безличным предложениям и дает обозрение способов выражения подлежащего и сказуемого.

Работы Д. Н. Овсяннико-Куликовского по синтаксису восходят к 1896 г., когда он напечатал в «Русской Мысли» [кн. 12] статью «Очерки науки о языке». В 1897 и 1898 гг. появились в «Журнале Министерства Народного Просвещения» его «Синтаксические наблюдения», где он рассматривал составное сказуемое. В 1900 г. в «Известиях Отделения русского языка и словесности» [V, кн. 4] он напечатал статью «Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации безсубъектных предложений». В 1902 г. [СПб.] появилось первое издание его «Синтаксиса русского языка»; свой труд автор определял как попытку общедоступного изложения научного синтаксиса русского языка; в значительно исправленном и дополненном виде вышел этот «Синтаксис» во втором издании (СПб., 1912). В предисловии к своему труду автор говорит, что в основу изложения им положена система А. А. Потебни, причем автор разделяет точку зрения, научные принципы и большую часть выводов этого ученого. Указав на труды других ученых, проводивших и развивавших взгляды А. А. Потебни, на различие метода А. А. Потебни от метода Ф. Миклошича, Д. Н. Овсяннико-Куликовский предлагает прочувствованную характеристику своего учителя: «Потебня, — говорит он, — был глубокий мыслитель, творческий и обобщающий ум, — из числа тех, в которых дарование наблюдателя гармонически сочетается с интуицией созерцателя, предвосхищающего гениальной догадкой тайну явлений, чтобы потом раскрыть ее средствами методического индуктивного исследования». «В общем и существенном, — повторяет автор „Синтаксиса русского языка“, — я иду за Потебней, — по торной дороге, им проложенной». Тем не менее в двух принципиальных вопросах Д. Н. Овсяннико-Куликовский отмечает свое расхождение с А. А. Потебней, а именно в вопросе об отношении грамматического мышления к логическому, где, как мне кажется, справедливо указание автора «Синтаксиса»³. Д. Н. Овсяннико-Куликовский именно утверждает, что исследования в области истории развития синтаксических форм имеют ближайшее отношение не только к психологии мышления, но и к логике, а также в вопросе о том, можно ли считать слово, отдельно взятое, единицею речи или нельзя, а таковою единицею следует признавать предложение, как именно полагал Потебня. Несмотря на все значение, которое «Синтаксис» Д. Н. Овсяннико-Куликовского имеет для нас в качестве почти единственного руководства, я не отвлеку здесь вашего внимания к оценке этого труда и к спорным вопросам, им вызываемым.

Прежде чем назвать несколько ценных русских работ, посвященных синтаксису и появившихся в последние два десятилетия, укажу как на полезные пособия и руководства еще на следующие иностранные сочинения. К. Бругман, один из двух редакторов названного выше «Grundriss der vergleichende Grammatik...», предоставил составление сравнительного синтаксиса Б. Дельбрюку. В 1904 г. К. Бругман издал сокращенное изло-

³ Начиная со слов «где...» до слов «автора „Синтаксиса“» включительно в рукописи зачеркнуто. — Э. К.

жение всей грамматики в одном объемистом томе [K. Brugmann, *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Strassburg, 1904]. Но изложение преследовало цель не только повторить сжато то, что появилось в пяти томах большой сравнительной грамматики, но и подвергнуть вообще все вопросы пересмотру. Вместе с тем для полноты изложения из краткого очерка нельзя было исключить и синтаксис, обработка которого в большой грамматике принадлежит не Бругману, а Дельбрюку.

К. Бругман вышел из затруднения, решив включить все учение о значениях и употреблении грамматических форм в «Морфологию», которая таким образом расширена в соответствующих местах отделами, относящимися по обычно принятому распорядку к синтаксису; вся морфология названа учением о формах слов и их употреблении; за морфологическим рассмотрением производимых имен следует исследование их со стороны их значения; за морфологическим рассмотрением падежных образований и образований числа сначала имен, потом местоимений, предложено учение о значении форм числа существительных и местоимений и падежных форм; за рассмотрением глагольных образований помещены главы, посвященные их употреблению. Как видно из «Предисловия», К. Бругман руководствовался при этом практическими соображениями, вытекающими из определения задач синтаксиса. «От вопроса о том, какое значение имеют в языке синтаксические явления, — замечает К. Бругман, — должен быть отделен вопрос, как изложить наиболее целесообразно в составе одного цельного грамматического труда то, что относится в языке к синтаксису». Таким образом первые две задачи труда В. Дельбрюка включены К. Бругманом в сокращенной грамматике в отдел «Морфологии»; что до третьей части, содержащей учение о предложении, то ей соответствует последний отдел сокращенной грамматики (стр. 623—705), названный учением о формах предложения. Появление этого сокращенного труда Бругмана повлияло на обработку появившихся за ним томов второго издания большой грамматики ...⁴ здесь рассмотрены числительные, существительные, местоимения, далее значение форм числа и падежей в именах и местоимениях, прилагательное, наречия в отношении к их формам и употреблению, предлоги в отношении к их формам и употреблению. В 1913 г. вышел первый выпуск третьей части того же второго тома, где рассмотрены глагольные образования, во втором выпуске будет предложено учение о значении этих грамматических форм, а также рассмотрены союзы и их употребление.

В 1908 г. [Göttingen] вышел II том труда В. Вондрака [W. Vondrak] «Vergleichende slavische Grammatik», содержащий морфологию (стр. 1—259) и синтаксис (стр. 260—541); поскольку профессору Венского университета принадлежит заслуга использования обширного материала, явленного из всех славянских языков, а также предшествующей грамматической литературы, изложение синтаксиса в некоторых частях, в особенности в одной из последних, где говорится о сцеплении предложений, весьма удовлетворительно и для исследователя русского синтаксиса очень поучительно.

Много ценного для того же русского синтаксиса дал парижский лингвист А. Мейе (A. Meillet): в 1897 г. [Paris] появилась его работа «Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux slave», где автор старается выяснить причину и начало замены старой формы винительного падежа единственного числа имен одушевленных формой родительного падежа; в 1902 г. [Paris] он издал первую часть своих «Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave», на первых 100 страницах которой он поместил исследование о видах совершенном и несовершенном в славянском пере-

⁴ Нами опущено здесь прежнее название грамматики и ее название во втором издании. — Э. К.

воде евангелия, причем сначала предлагается морфологическое определение соответствующих образований, а потом рассматривается их грамматическое употребление.

Тесно примыкают к этому прекрасному и в методологическом отношении образцовому труду две работы ученика профессора А. Мейе, успевшего приобрести уже славное имя как исследователя русской литературы, А. Мазона (A. Mazon); работы эти прямо посвящены русской грамматике. Первая работа содержит морфологию русских глагольных форм совершенного и несовершенного вида: «Morphologie des aspects du verbe russe» (Paris, [1908]); вторая посвящена их грамматическому употреблению: «Emplois des aspects du verbe russe» (Paris, 1914).

В 1900 г. появился труд знаменитого психолога В. Вундта [W. Wundt], задавшегося целью выяснить психологические основания языка, человеческих языков вообще. Его заглавие: «Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte von Wilhelm Wundt». Bd. I — Die Sprache [Leipzig, 1900]. Языку предоставлено два тома. Второе издание вышло в 1904 г. Третье — в 1911 и 1912 гг. Отделы, относящиеся к синтаксису, помещены во втором томе, а именно первые его главы: шестая по общему счету, озаглавленная «Die Wortformen», и седьмая — «Die Satzfügung».

В. Вундта можно упрекнуть вслед за его критиками в недостаточной лингвистической подготовке и в том также, что он мало считался с историей языка, предпочитая основывать свои заключения на языках так называемых первобытных народов и упуская при этом из виду, что отличие их от языков культурных народов является прежде всего не отсутствие у них в прошлом исторического развития, а отсутствие памятников, данных этого развития. Но чрезвычайно важна та широта, с которой Вундт развернул картину психологических процессов, вызвавших появление языка и дальнейшего его развития. В каждом отделе указанных двух глав исследователь синтаксиса найдет много тонких наблюдений и широких обобщений; в одной из ближайших лекций мне придется указать на заслуги В. Вундта в освещении основного для синтаксиса вопроса о природе и значении предложения. Русский читатель найдет интересный отзыв о труде Вундта в статье проф. Д. Н. Кудрявского «Психология и языкознание», помещенной в «Известиях Отделения русского языка и словесности» за 1904 г. (IX, кн. 2), а также в статье проф. Е. Ф. Будде «Учение Вундта и Пауля о предложении как основа учения о синтаксисе» (ИОРЯС за 1910 г., XV, кн. 4).

Имя Г. Пауля, названное в приведенном заглавии, дает мне повод рекомендовать вашему особенному вниманию весьма известный в Германии труд последнего, посвященный освещению теоретических вопросов языкознания и подробно останавливающийся на значении психических факторов в развитии языка; в противоположность В. Вундту, Г. Пауль основывается на данных таких языков, как греческий и латинский, обращая свое преимущественное внимание на немецкий; труд этот озаглавлен «Prinzipien der Sprachgeschichte von Hermann Paul» (4. Aufl., Halle a. S., 1909). В VI главе предлагается учение о синтаксических отношениях, в VII — об изменениях значений в области синтаксиса, в XV рассмотрен вопрос о психологических и грамматических категориях, в XVI — нарушение синтаксического расчленения, в XVIII — согласование.

Мне остается сказать о русских исследованиях по синтаксису, явившихся за последние два десятилетия. Многие из них представляются весьма ценными руководствами в особенности для приступающих к работе. Упомянутый выше проф. Д. Н. Кудрявский дал несколько статей, посвященных синтаксическим вопросам. Укажу на его разбор синтаксиса Д. Н.

Овсяннико-Куликовского (ИОРЯС за 1902 год, т. VII), «К истории русского прошедшего времени» (РФВ за 1911), «Древнерусские причастия настоящего времени действительного залога на -а» (РФВ за 1912), в особенности же на весьма содержательный отдел, касающийся синтаксиса, в его «Введении в языкознание» (Юрьев, 1912).

Проф. А. И. Томсон дал несколько интересных статей относительно значения и употребления падежей. Сюда относятся: «Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке» (Варшава, 1902; отд. отт. из РФВ), «Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках» (ИОРЯС за 1908, т. XIII, кн. 2), «К вопросу о возникновении род.-вин. падежа в славянских языках. Приглагольный род. падеж в праславянском языке» (там же, т. XIII, кн. 3), «К вопросу о возникновении род.-вин. падежа в славянских языках. Сходные явления в других языках» (там же, т. XIV, кн. 1). В труде «Общее языкознание» (2-е изд., Одесса, 1910) проф. А. И. Томсон рассматривает в VII главе основные вопросы синтаксиса, и в IX касается исследований языка в формах синтаксических словосочетаний.

Проф. В. А. Богородицкому принадлежит весьма основательное освещение синтаксических вопросов в его «Общем курсе русской грамматики»; в четвертом издании (Казань, 1913) синтаксису посвящены XIII и XIV главы. Проф. Е. Ф. Будде предложил несколько статей и заметок по синтаксису, но не все они одинаковой ценности. Еще в 1894 г. им была напечатана в «Журнале Министерства народного просвещения» статья «О синтаксисе простого предложения»; в 1913 г. в Сборнике, посвященном Д. А. Корсакову, появилась его статья «Основы синтаксиса русского языка» (Казань), под тем же заглавием им были напечатаны в «Русском Филологическом Вестнике» за 1910 и 1913 гг. три главы, из которых первая содержит «Основные понятия», вторая озаглавлена «Изменения в языке, как процессы его жизни. Виды этих изменений», третья — «Тип простого и сложного предложения в его исторической судьбе». Много возражений вызывает изданный им учебник синтаксиса, а также напечатанное в 1917 г. в Казани пособие для преподавателей и самообразования, озаглавленное «Вопросы методологии русского языкознания».

Совершенно особое место среди исследований по русскому синтаксису принадлежит замечательной книге А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (М., 1914). Автор назвал свой труд популярным очерком. Но я обращаю на него ваше внимание как на ценнейшее научное пособие; автор с удивительным талантом развил основные положения, добытые предшествующими исследователями, и прежде всего А. А. Потебней, но вместе с тем он внес в науку много нового и самостоятельного.

Содержательный обзор работ, появившихся в области русского синтаксиса, дал проф. Н. К. Грунский в «Очерках по истории разработки синтаксиса славянских языков» (т. I, вып. 1—3, т. 2, Юрьев, 1910—1911), причем 3-й вып. 1 тома посвящен всецело выяснению значения А. А. Потебни в истории изучения синтаксиса.

Синтаксис белорусского языка разработан в обстоятельном очерке и представлен в историческом освещении Е. Ф. Карским в 3-м вып. 2 тома его «Белорусы» (Варшава, 1908). По синтаксису малорусского языка отмечу соответствующий отдел в труде Э. Огоновского (E. Ogonowski, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, [Lemberg, 1880]), далее у С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера (St. V. Smal-Stocky — T. Gartner, Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache, Wien, 1913). Недавно вышел синтаксис Ивана Нечуя-Левицкого как третья часть учебника, озаглавленного «Грамматика української мови» (Киев, 1914). Кроме того, ряд данных по малорусскому языку сообщен в трудах Потебни.

На этом лекция А. А. Шахматова о пособиях по синтаксису заканчивается.

С изрядной простотой, неторопливо, в хронологическом порядке, с указанием основных выходящих данных, Шахматов перечисляет русские и иностранные труды по синтаксису Ф. И. Буслаева, Фр. Миклопича, А. А. Потебни, Ф. Е. Корша, А. В. Попова, Ф. Ф. Фортунатова, Г. К. Ульянова, Б. Дельбрюка, И. В. Ягича, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, К. Бругмана, В. Вондрака, А. Мейе, А. Мазона, В. Вундта, Г. Пауля, В. К. Поржезинского, Д. Н. Кудрявского, А. И. Томсона, В. А. Богородицкого, Е. Ф. Будде, А. М. Пешковского и др. В этом перечне — исследования по общим вопросам языковедения, касающиеся проблем синтаксиса, труды по грамматике, монографии и отдельные статьи. Современному читателю в этом обзоре литературы может быть все интересно: прозрачная ясность мыслей автора, лаконичность изложения, оценка трудов выдающихся языковедов прошлого, широта охвата рекомендуемых пособий. Профессор Петроградского университета 50 лет назад не боялся перегрузить студента специальной литературой и называл ее на русском, немецком, французском и других языках. В указанных Шахматовым пособиях, «которые могли бы помочь... в усвоении оснований русского синтаксиса», работ по синтаксису живого языка очень мало, преобладают исследования по историческому и сравнительному синтаксису. Синхронное изучение русского синтаксиса еще только создавалось.

Не меньший интерес представляют и рекомендуемые А. А. Шахматовым темы для рефератов в семинариях. В личном архиве А. А. Шахматова имеется несколько листов с темами для сочинений, на одном из них написана 21 тема (фонд. 134, опись 1, № 280, л. 21—22). Специального наименования у семинара нет, очевидно, это были темы для семинара по русскому языку и его истории. Вот эти темы:

1. Русские особенности Остромирова евангелия. Выяснение того, что внесено в текст этого памятника русским переписчиком; распределение этих особенностей по категориям. Пособия: Остромирово евангелие в издании А. Х. Востокова (СПб., 1843); «Исследование о языке Остромирова евангелия» М. М. Козловского (в I томе исследований по русскому языку); «[Введение в] старославянскую грамматику» Лескина в русском переводе [М., 1909]; «Состав Остромирова евангелия» Ф. Ф. Фортунатова [СПб., 1908].

2. Русские особенности в Служебной минее 1097 года за ноябрь. Пособие: «Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь» в издании И. В. Ягича [СПб., 1886].

3. Русские особенности Галицкого евангелия 1144 года. Пособия: издание арх. Амфилохия (М., 1882 в двух томах); Г. Воскресенский, Евангелие от Марка ⁵; «Отчет о присуждении Ломоносовской премии за 1883 г. с прилож.» [СПб., 1884] (Сб. ОРЯС, XXIII, 2); Г. Воскресенский, Заметки об издании арх. Амфилохия (Сб. ОРЯС, т. XI).

4. Особенности склонения и спряжения в тексте Московских духовных и договорных грамот XIV и первой половины XV в. Пособие: I том Собрания Госуд. Грамот и Договоров. Необходимо иметь в виду и последующие поправки к этому изданию.

5. Звуковые особенности грамот северо-западной Руси XIII и XIV столетий, писанных в Риге и Полоцке. Пособия: Русско-Литовские Акты, издание Археографической Комиссии под редакцией А. А. Куника; Сборники литографированных снимков с некоторых из этих грамот, под редакцией Э. Я. Напьерского; Сборники СПб. Археологического института под редакцией А. И. Соболевского и С. Л. Пташицкого.

6. Особенности склонения и спряжения Повести временных лет по Ипатьевскому списку в сопоставлении их с особенностями Лаврентьевского списка. Пособия: Светописное издание Ипатьевской Летописи Археографической Комиссии; Печатное издание той же Комиссии (II, П.С.Р.А);

⁵ [См.: Г. А. Воскресенский, Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896.]

Н. П. Некрасов, Заметки о языке «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи (ИОРЯС за 1896 и 1897 гг., I и II).

7. Особенности языка (звуки и формы) Коншинского списка Домостроя XVI в. Пособие: «Домострой по Коншинскому списку и подобным», издал А. С. Орлов, М., кн. 1, 1908 [кн. 2, 1910].

8. Звуковые и формальные особенности сборника XVII в. Московского Главного Архива Министерства иностранных дел, в котором помещены «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту». Пособие: «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий». Собрал и приготовил к печати Павел Симоны, СПб., 1899.

9. Звуковые и формальные особенности архангельских былин, записанных А. Д. Григорьевым в 1889—1901 гг. — Пособие: А. Д. Григорьев, Архангельские былины и исторические песни, т. 1, [ч. 1—2], М., 1904.

10. Отличие южных рязанских говоров от северных и приблизительные между ними границы. Пособия: Е. Ф. Будде, К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии, Казань, 1896; его же, К диалектологии великорусских наречий, Варшава, 1892; Извлечения из ответов на программы, печатавшиеся в ИОРЯС и в Сборнике ОРЯС; А. И. Соболевский, Опыт русской диалектологии, [вып. 1. — Наречия великорусское и белорусское, СПб., 1897].

11. Судьба звуков *a, o, e* в слого, непосредственно предшествующем ударному в записях белорусских текстов, помещенных в первых двух томах и в шестом томе Белорусского сборника Е. Р. Романова. Пособия: Е. Ф. Карский, Белорусы, т. 2, [Варшава, 1908]; Л. Л. Васильев, Гласные в слого под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре, ИОРЯС, 1904, IX, кн. 1, стр. 336—355.

12. Анализ того белорусского языка, который содержится в газете «Наша Ніва»; особенности в звуках, склонении и спряжении сравнительно с другим известным или другими известными белорусскими говорами. Пособия: Е. Ф. Карский, Обзор звуков и форм белорусский речи, [М., 1885]; его же, Белорусы, т. 2.

13. Краткая характеристика всех зарубежных русских говоров, представленных в записях, напечатанных в «Этнографічному Збірнику», издаваемом Товариством імени Шевченко во Львове.

14. Выяснение того, что сделано различными исследователями для характеристики малорусского говора Гродненской и Седлецкой губернии, какие ими описаны говоры и какие в этих говорах отмечены характерные особенности.

15. Просмотр всех трудов по малорусской диалектологии и извлечение из них в подлинных выписках всего, что служит к физиологическому описанию звуков в различных говорах. Труды Брока — «Угросское наречие с. Убли (Земплинского комитета)», [СПб., 1900] и другие — рекомендуются как пособие, но не как материал для извлечений. Другие пособия: «Опыт русской диалектологии» А. И. Соболевского (III. Малорусское наречие); издания Товариства імени Шевченко; Труды Этногр. статист. экспедиции в Югозап. край, т. VII; А. А. Потебня, Заметки о малорусском наречии [Воронеж, 1871], и др.

16. Физиологическое определение звуков собственной речи и фонетическая транскрипция более или менее обширного текста. Пособия: А. И. Томсон, Общее языкознание, [2-е изд., Одесса, 1910]; В. А. Богородицкий, Курс грамматики русского языка. Фонетика, Варшава, 1887; его же, Очерки по языковедению и русскому языку, Казань, 1901; E. Sievers, Grundzüge der Phonetik [zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indo-

germanischen Sprachen, 4. Aufl., Leipzig, 1893]; Кг. Nyrop, Manuel phonétique du français parlé, [Copenhagen, 1934]; Victor, Elemente der Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen.

17. Употребление падежей в Новгородской 1-й летописи по Синодальному списку. Пособия: Светописное издание этой летописи Археографической Комиссией; Печатное издание ее же, принадлежащее той же Комиссии; Fr. Miklosich, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. IV — Vergleichende Syntax, [Wien, 1868—1874]; Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, II, [М., 1863]; А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, [ч. 1—3, Харьков, 1888—1889]; Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка, [2-е изд., СПб., 1912].

18. Соединение числительных с именами в актовом великорусском языке XVI в. Пособия: Акты юридические; Акты, относящиеся до юридического быта древней России, собранные Калачовым, и др.

19. Выборка из басен Крылова всех особенностей, чуждых современному нашему разговорному языку, и распределение их по определенным категориям.

20. Выборка из Стихотворений в прозе Тургенева всех слов и форм нерусского происхождения и притом как западноевропейских, так и церковнославянских. Установление на основании этого и других однородных материалов категорий слов, занесенных из церковнославянского в наш литературный язык. Пособия: Е. Будде, Очерк истории современного литературного русского языка, [СПб., 1908]; С. Булич, Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, [СПб., 1893].

21. Выборка из сочинений Шевченко всех особенностей, чуждых современному украинскому литературному языку и распределение их по категориям. Пособия: Т. Шевченко, Кобзарь, видання Общества имени Т. Г. Шевченко та Благотворительного Общества издания общепользых и дешевых книг, СПб., 1907; статьи В. Доманицкого «Критичний розгляд над текстом „Кобзаря“ Шевченка» в IX—XII кн. «Киевской Старины» за 1906 год; Е. Ф. Карский, Записка до поправнійшого видання поезій Т. Шевченко, «Записки Товариства имени Шевченко», V; его же, «Наймичка» Шевченка, РФВ, 1907, 1.

Общее пособие: А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, [3-е изд. — М., 1903, 4-е изд. — М., 1907]. Кроме того, в качестве реферата принимается обработка и всякой другой темы по русскому языку. Рефераты должны быть изложены письменно и до доклада их сообщены мне.

В этом перечне тем — вопросы фонетики и лексики, морфологии и синтаксиса, анализ старославянского текста (русизмы в тексте Остромирова евангелия и в Служебных книгах), морфология древнерусского текста (особенности склонения и спряжения в Повести временных лет), диалектология (южные рязанские говоры), физиологическая классификация звуков собственной речи и ее транскрипция, иноязычные элементы в баснях Крылова и в «Стихотворениях в прозе» Тургенева, анализ явлений не только русского, но и белорусского и украинского языков. Темы сочинений для рефератов разнообразные, широта занятий семинара — захватывающая.

Э. И. Коротаев